

Воспоминанія князя Евгенія Николаевича Трубецкого.

(Продолженіе).

XI. Философскія занятія въ университетѣ. Вліяніе Соловьева. Встрѣча съ Чичеринымъ.

Въ общемъ и для меня и для брата университетскіе годы были едва ли не самымъ плодотворнымъ періодомъ нашихъ философскихъ занятій. Почти цѣлую зиму 1881—1882 года я провель въ изученіи Фихте, при чемъ я началъ съ изученія труда Куно Фишера о немъ, а потомъ читаль его собственныя произведенія. Затѣмъ также сначала по Куно Фишеру, а потомъ по собственнымъ трудамъ философа я ознакомился съ Шеллингомъ. Это было не простое чтеніе, а изученіе: главнѣйшіе труды философовъ прочитывались мною по два раза. Второй и третій курсъ университета были мною посвящены изученію древней философіи. Я прочель дважды огромные пять томовъ исторіи Целлера, перечиталь во второй разъ многіе діалоги Платона, проштудироваль по гречески съ помощью нѣмецкихъ переводовъ почти всего Аристотеля и всего Платона, — ознакомился съ исторіей англійской философіи по трудамъ Куно Фишера и Эрдмана, прочель Юма по англійски, а затѣмъ весь послѣдній годъ университетскаго курса изучаль Гегеля, котораго также прочель почти всего, ознакомился съ книгой о немъ Гайма и съ извѣстной критикой гегелевскаго ученія въ „Логическихъ изслѣдованіяхъ“ Тренделенбурга.

Въ этотъ же періодъ въ связи съ занятіями по древней философіи я написалъ мое кандидатское сочиненіе „О рабствѣ въ древней Греціи“, — оно же и мой первый печатный трудъ. Основы всего моего философскаго образованія были такимъ образомъ заложены частью въ гимназіи, частью въ университетѣ. Потомъ въ теченіе многихъ лѣтъ я не имѣлъ возможности удѣлять занятіямъ по чистой философіи такого количества времени и силъ.

Работали мы въ это время съ братомъ совершенно самостоятельно. Мы уже настолько освоились съ литературою предмета и съ методами изученія, что чье либо руководство, если бы такое въ то время и было возможно, не было намъ нужно.

Для меня непостижимо, какъ это въ теченіе всѣхъ нашихъ университетскихъ годовъ случай не свелъ насъ съ Соловьевымъ, который въ это время часто и подолгу живалъ въ Москвѣ. Во всякомъ случаѣ на ходъ нашего развитія онъ оказывалъ сильное вліяніе. Мы доставали номера „Православнаго Обозрѣнія“, гдѣ печатались его „Чтенія о Богочеловѣчествѣ“; тетушки, у которыхъ мы жили въ Москвѣ, получали „Русь“ Аксакова, и мы съ жадностью набрасывались на появлявшіяся тамъ одна за другой части „Великаго спора“. Поворотъ Соловьева къ католицизму, обозначившійся въ концѣ этихъ статей, былъ для насъ громовымъ ударомъ. Мы болѣзненно переживали возникшій вслѣдствіе этого поворота расколъ въ славянофильскомъ лагерѣ и съ волненіемъ слѣдили за полемикой между Соловьевымъ и Ив. Серг. Аксаковымъ.

Это была первая глубокая трещина въ моемъ собственномъ славянофильствѣ. Я стоялъ всецѣло на хомяковской точкѣ зрѣнія, когда эта полемика началась. Для меня поворотъ Соловьева былъ тѣмъ болѣе неожиданнымъ, что немного раньше, въ „Чтеніяхъ о Богочеловѣчествѣ“ онъ говорилъ о латинствѣ совершенно въ духѣ старыхъ славянофиловъ: онъ до-

казывалъ, что папство подпало всеѣмъ тѣмъ тремъ искушеніямъ, коими сатана безуспѣшно пытался соблазнить Христа въ пустынѣ. По существу мое сочувствіе было всецѣло на сторонѣ Аксакова. Я не сомнѣвался, что Соловьевъ, звавшій Прзвославную Церковь совершить простой актъ послушанія апостольскому престолу и видимо отрицавшій религиозныя основанія для нашего отдѣленія отъ латинства, былъ глубоко неправъ. Съ годами мое убѣжденіе, что Соловьевъ въ данномъ случаѣ недооцѣнилъ православіе, только крѣпло. Но съ другой стороны я не могъ вполнѣ остаться и на старой хомяковской позиціи. Въ самомъ ученіи Хомякова о церковномъ критеріи истины мнѣ почувствовались роковые изъяны. Споромъ Соловьева и Аксакова была поставлена передъ русскимъ церковнымъ сознаніемъ задача, надъ разрѣшеніемъ которой оно будетъ еще долго трудиться.

Если Соловьевъ ошибался въ оцѣнкѣ православія, то съ другой стороны для меня становилась все болѣе и болѣе ясной недостаточность хомяковской оцѣнки западныхъ вѣроисповѣданій. Въ университетскіе мои годы произошла первая моя встрѣча съ нѣмецкою мистикою. Я еще не зналъ Іакова Бема, но уже успѣлъ ознакомиться съ рядомъ выдающихся произведеній его продолжателя въ XIX вѣкѣ — Франца Баадера. И меня поразила слабость хомяковской попытки — свести всю духовную особенность западныхъ исповѣданій по сравненію съ православіемъ къ *раціонализму*. Еслибы это было вѣрно, какъ же могла бы вырасти на западѣ эта безконечно богатая и глубокая нѣмецкая мистика. Не очевидно ли, что въ западномъ христіанствѣ есть свои мистическіе корни, которые ускользнули отъ вниманія Хомякова.

Наконецъ, и Соловьевская апологія папства не осталась безъ вліянія на меня. „Непогрѣшимость“ — такъ и осталась для меня неприемлемой и въ абсолютной правдѣ латинской точки зрѣнія Соловьевъ

меня не убѣдилъ. Но его разрушительная и сильная критика нѣзнихъ церковно-государственныхъ отношеній, въ связи съ смѣлымъ изобличеніемъ нашего цезарепапизма, убѣдила меня въ томъ, что въ католическомъ идеалѣ независимой духовной власти есть своя относительная правда, которая должна быть усвоена.

Въ общемъ ни я, ни мой братъ Сергѣй за Соловьевымъ не послѣдовали; теократическихъ его увлеченій мы не раздѣляли. Но тѣмъ не менѣе Соловьевъ остался для насъ тѣмъ центромъ, изъ котораго исходили всѣ умственные задачи, философскія и религіозныя; отъ него же исходили важнѣйшіе для нашего умственного развитія толчки. Въ частности его оцѣнки западной философій въ теченіе долгаго времени опредѣляли наше отношеніе къ западнымъ мыслителямъ. Я очень скоро разглядѣлъ изъяны философской критики въ Соловьевской „Критикѣ Отвлеченныхъ Началъ“.

Вообще, какъ бы мы ни отдѣлялись въ томъ или въ другомъ отношеніи отъ Соловьева, — мы оба жили въ то время въ атмосферѣ его умственного вліянія. Характерно, что братъ мой въ студенческіе годы писалъ свое юношеское сочиненіе, оставшееся неоконченнымъ, — „о святой Софій — Премудрости Божіей“. Онъ не хотѣлъ показывать мнѣ этихъ, какъ онъ говорилъ, недозрѣвшихъ и недоношенныхъ мыслей. Но, судя по тому, что я о нихъ отъ него слышалъ, — онѣ чрезвычайно напоминали мысли о святой Софій Соловьева. Не потому ли сочиненіе такъ и осталось недооконченнымъ? Еслибы оно представляло собою яркое проявленіе индивидуальнаго творчества, авторъ, конечно, не разстался бы съ нимъ, не доносивши его; и оно не было бы погребено въ архивѣ юношескихъ бумагъ, гдѣ его дѣти доселѣ не могли его разыскать.

Иныхъ значительныхъ духовныхъ вліяній въ наши студенческіе годы мы не испытывали. Была у насъ въ

тѣ же самые годы встрѣча съ очень значительнымъ человѣкомъ: я говорю о Борисѣ Николаевичѣ Чичеринѣ; но вслѣдствіе діаметральной противоположности въ міровоззрѣніяхъ и въ умственномъ складѣ о влияніи въ собственномъ смыслѣ не могло быть рѣчи. Чичеринъ, какъ извѣстно, относился рѣзко отрицательно къ славянофильству. Въ Соловьевѣ его отталкивалъ мистицизмъ, т. е. именно то, что было намъ всего дороже. Словомъ, самые родники нашей духовной жизни были ему чужды. И, однако, встрѣча съ Чичеринимъ была для меня и для брата приобрѣтеніемъ весьма значительнымъ и цѣннымъ. Я до конца жизни сохраню о ней самое благодарное воспоминаніе. Инициатива нашей встрѣчи принадлежитъ самому Б. Н. Чичерину. Мы были знакомы и раньше, съ самаго моего дѣтства, но до первой половины восьмидесятыхъ годовъ никакого общенія между нами не было. Мы встрѣчались у одной моей тетуски, которая состояла съ Чичеринимъ въ свойствѣ; но знакомство въ теченіе долгаго времени ограничивалось поклонами при встрѣчѣ. И вдругъ онъ самъ выразилъ желаніе съ нами ближе познакомиться и просилъ зайти къ нему на домъ — поговорить о философіи.

Для насъ обонхъ это было большою неожиданностью. Чѣмъ могло объясняться это желаніе маститаго ученнаго, приобрѣтшаго заслуженную громкую извѣстность своими капитальными трудами и одного изъ первыхъ въ Россіи знатоковъ философіи — познакомиться съ двумя молодыми мальчиками — студентами третьяго курса университета? Мотивы этого поступка дѣлаютъ большую честь Борису Николаевичу. Въ ту эпоху царствованія Огюста Конта въ университетѣ онъ, представитель германской идеалистической школы въ философіи, чувствовалъ себя совершенно одинокимъ. И вдругъ онъ услышалъ отъ общихъ нашихъ родственниковъ, что есть въ Москвѣ два молодыхъ студента, изучившіе всѣхъ классиковъ германской философіи и относящіеся непримиримо враждебно къ господству-

вошему позитивному направленію. Онъ былъ изумленъ и спрашивалъ, откуда это увлеченіе нѣмцами, чѣмъ вліяніемъ оно вызвано. Когда ему объяснили, что мы работаемъ совершенно самостоятельно безъ чьего либо руководства и вліянія, онъ нами настолько заинтересовался, что пожелалъ съ нами встрѣтиться.

Разговоръ состоялся и былъ весьма продолжителенъ. Шла рѣчь и о позитивизмѣ, при чемъ тутъ мы сразу сошлись, и о нѣмецкихъ философахъ, и о Соловьевѣ, при чемъ о Гегелѣ и Соловьевѣ мы поспорили. Помянется, братъ мой восхищался критикою Тренделенбурга на Гегеля. Чичеринъ нападалъ на „чисто реалистическую“ точку зрѣнія Тренделенбурга. Я въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ поддерживалъ Чичерина противъ Тренделенбурга. Говоря о Соловьевѣ, онъ, между прочимъ, заявилъ, что мистицизмъ есть „отрицаніе науки“, съ чѣмъ мы, разумѣется, согласиться не могли. Противоположность нашей религіозно-мистической и его рационалистической точки зрѣнія, близкой къ Гегелю, сказала въ этомъ спорѣ очень рѣзко. Но наговорились мы власть, какъ ни намъ, ни ему въ теченіе восьмидесятихъ годовъ говорить о философіи было не съ кѣмъ. Кончился разговоръ тѣмъ, что Чичеринъ подарилъ каждому изъ насъ по экземпляру своихъ двухъ книгъ — „Собственность и Государство“ и „Мистицизмъ въ наукѣ“. Последняя, содержащая въ себѣ разборъ „Критики Отвлеченныхъ Началъ“ Соловьева, была дана намъ въ назиданіе.

На другой день намъ стало извѣстно черезъ тетушекъ, что Чичеринъ въ восторгѣ отъ нашего съ нимъ разговора. Онъ былъ въ особенности доволенъ, разумѣется, нашимъ совершенно неожиданнымъ для него *основательнымъ* знакомствомъ съ германскими философами, удивлялся самой возможности такого явленія въ вѣкъ „философскаго невѣжества и безвкусія“, которое олицетворялось для него позитивизмомъ. Онъ говорилъ даже, что мы оживили его надежды на будущее Россіи. Съ тѣхъ поръ завязались между нами

отношенія, продолжавшіяся до конца жизни Чичерина, съ нашей стороны полныя глубокаго уваженія и сочувствія, а съ его стороны — неизмѣнно прямыя, доброжелательныя и сердечныя.

Въ моей памяти образъ покойнаго Бориса Николаевича врѣзался на всю жизнь какъ олицетвореніе совершенно исключительнаго душевнаго благородства. Въ непреклонной твердости его сужденій и мыслей было что то монументальное, гранитное. *Такой* степени прямоты мысли и сердца, какая отличала его, я не помню ни у кого другаго. Его слово не могло расходиться съ его мыслью даже въ незначительныхъ отгѣнкахъ. Для него было органически невозможнымъ называть вещи иначе, какъ полными ихъ именами. Если онъ находилъ какой либо поступокъ подлымъ, а какую нибудь мысль глупою, онъ такъ прямо и говорилъ: это подло, а то глупо, совершенно не думая о томъ, что совершившій подлое или помыслившій глупое находились тутъ же, въ той комнатѣ.

Помнится, какъ то разъ, когда мы были уже профессорами университета, онъ былъ недоволенъ одною изъ раннихъ статей моего брата — „О природѣ человѣческаго сознанія“. „Вотъ удивительное свойство славянофиловъ, — говорилъ онъ мнѣ, — они изгадили рѣшительно все то, къ чему они имѣли малѣйшее соприкосновеніе. Вотъ хотя бы Вашъ братъ, Сергій Николаевичъ, вѣдь, кажется, умный и образованный человѣкъ. А какую онъ ерунду написалъ о природѣ человѣческаго сознанія; вотъ, что значить славянофильская школа“. Помню однажды его столкновеніе на одномъ вечерѣ съ В. О. Ключевскимъ. Тотъ осторожно доказывалъ Чичерину, что онъ и его единомышленники напрасно вышли въ отставку изъ Московскаго Университета въ шестидесятыхъ годахъ. Чичеринъ, ушедшій по принципиальнымъ основаніямъ, вслѣдствіе вызваннаго интригой Каткова недопустимаго нарушенія университетской автономіи со стороны правительства, — стоялъ на своемъ. — „Но вѣдь Вы недо-

статочно считались съ обязанностью повиновенія, — продолжалъ Ключевскій, — самъ Государь выразилъ желаніе, чтобы Вы остались“. — „Вы называете это обязанностью повиновенія, — отвѣчалъ Чичеринъ, — а съ моей точки зрѣнія дѣлать противное совѣсти по Высочайшему повелѣнію — значитъ дѣлать гадость и подлость“. Ключевскій, разумѣется, былъ сильно уязвленъ: присутствующимъ стоило много труда замять этотъ разговоръ и затушевать черезчуръ рѣзкій и грозившій ссорой инцидентъ.

Помню остроумную характеристику этой особенности характера Чичерина, данную однажды его другомъ, покойнымъ Федоромъ Михайловичемъ Дмитриевымъ. „Положимъ, — говорилъ онъ, — художнику надо писать съ васъ портретъ, а у васъ некрасивый профиль. Одинъ васъ попроситъ: пересядьте, чтобы я могъ рисовать васъ en face, эта поза гораздо лучше идетъ къ вашей наружности. А другой просто скажетъ: какой у васъ уродливый и длинный носъ; пересядьте такъ, чтобы какъ нибудь скрасить его безобразіе. Вотъ этотъ художникъ второго типа напоминаетъ мнѣ Бориса Николаевича“.

Къ чести Б. Н. Чичерина надо сказать, что, говоря прямо въ лицо другимъ безъ обиняковъ все, что онъ думалъ, онъ нисколько не обижался, когда ему платили тою же монетою. Помню какъ то разъ за оживленнымъ профессорскимъ обѣдомъ сидѣвшій рядомъ съ нимъ Н. А. Звѣревъ спросилъ у него, какого онъ мнѣнія о докторской диссертациаи Бюльцова. „Какого я мнѣнія, — сказалъ Чичеринъ, — мнѣ остается только разгести руками. Я не могу понять, какъ такая чепуха могла зародиться въ человѣческой головѣ“. — „Прямолинейный вы человекъ, клинообразный вы человекъ, — вдругъ завопилъ порядочно подпившій Звѣревъ, — вы не умѣете прощать лю ямъ ихъ молодыхъ увлеченій“. Чичеринъ сталъ спорить, но Звѣревъ настойчиво повторялъ: „клинообразный вы, прямолинейный, прямолинейный, клино-

образный". Чтобы прервать этот, казалось мнѣ, очень обострившійся разговоръ, я поспѣшилъ произнести какой то тостъ. Всѣ чокнулись, встали, перемѣшались; но, усѣвшись, Звѣревъ опять взялся за свое: „клинообразный, прямолинейный“ заладилъ онъ безъ конца. Я съ ужасомъ взглянулъ на Чичерина, но сразу успокоился: онъ сохранялъ свое обычное олимпийское спокойствіе и продолжалъ съ полной невозмутимостью разговаривать съ тѣмъ же Звѣревымъ о Боголѣповѣ!

Рѣзкость сужденій Бориса Николаевича о его современникахъ и почти о всемъ современномъ объясняется его духовнымъ одиночествомъ. Гегельянецъ въ концѣ XIX столѣтія, онъ казался человѣкомъ съ другой планеты, единственнымъ представителемъ традицій сороковыхъ годовъ въ восьмидесятыя и девяностыя годы. Всѣмъ теченіямъ жизни и мысли, которыя въ то время борелись вокругъ него, онъ былъ одинаково чуждъ. О современномъ ему позитивизмѣ онъ говорилъ совершенно справедливо: „что нужно для того, чтобы быть позитивистомъ? Достаточно не знать философія“. О Соловьевскомъ мистицизмѣ онъ говорилъ, что это „уничтоженіе науки“. Въ то же время въ искусствѣ царствовалъ или тотъ же мистицизмъ въ лицѣ Достоевскаго, или реализмъ типа Зола, характеризовавшійся для Чичерина его любимымъ выраженіемъ: „остается развести руками“. Въ политикѣ опять таки двѣ чуждыя ему противоположности: или безумно реакціонное теченіе „эпигоновъ славянофильства“ — Каткова и комп., или столь же безумный лѣвый социалистическій радикализмъ, стремившійся осуществить чисто матеріалистическія начала въ жизни. Правда, посрединѣ были либеральныя теченія; но и они были чужды Борису Николаевичу во первыхъ потому, что они были болѣе или менѣе связаны съ позитивизмомъ, и во вторыхъ потому, что они шли на тѣ или другіе компромиссы съ социалистическими началами. Чичерину хотѣлось того чи-

стаго либерализма безо всякихъ амальгамъ, котораго въ Россіи не было.

Онъ вообще не терпѣлъ никакихъ амальгамъ, не былъ способенъ ни къ какимъ уступкамъ, соглашеніямъ и компромиссамъ. Поэтому всѣ окружавшія его теченія жизни и мысли представлялись ему одинаково „нелѣпыми“. Среди нихъ онъ оставался непоколебимымъ, какъ скала, и „разводилъ руками“. Мысль его до конца его жизни осталась совершенно чистою струей, которая ни съ чѣмъ не смѣшивалась, не восприняла въ себя изъ окружающей духовной атмосферы рѣшительно никакихъ вліяній. Какъ абсолютная мысль въ „Логикѣ“ Гегеля, она развивалась „сама изъ себя“. Это было возможно лишь благодаря совершенно исключительной, рѣдкой, особенно въ Россіи, непреклонности и твердости духа. Этимъ объясняется трагедія его умственной жизни. Органически чуждый своему вѣку, онъ не былъ имъ ни понятъ, ни воспринятъ. Ученія изслѣдованія его оставили замѣтный и даже весьма крупный слѣдъ въ наукѣ государственнаго права; но какъ философъ, онъ совершенно прошелъ мимо современнаго поколѣнія. Несмотря на обиліе его философскихъ произведеній, его просто на просто *не знаютъ*. Въ изреченіи Соловьева, который въ пылу полемики назвалъ его „Пифагоромъ безъ пифагорейцевъ“, была большая доля правды.

Указанная трагедія духовнаго одиночества Чичерина усугублялась тѣмъ внутреннимъ противорѣчіемъ, которое обуславливается самой цѣльностью его духовнаго облика. Съ одной стороны какъ гегельянецъ, онъ вѣрилъ, что *все существующее разумно*. Съ другой стороны, въ силу непримиримо отрицательнаго отношенія къ современности, все въ ней казалось ему сплошнымъ безуміемъ и бессмыслицей. „Борись Николаевичъ, — сказалъ я ему какъ то разъ, — вѣдь вы въ сущности отступаете отъ Гегеля, допуская совершенно ему чуждое хронологическое ограниченіе

мірового разума. У васъ „все существующее разумно“, но только до 1850 года“. — „Нѣтъ, оно и послѣ того разумно, но разумъ настоящаго отъ насъ скрытъ, — мы его не видимъ“, — отвѣчалъ онъ мнѣ. Это былъ уже не гегелевскій разумъ, а что то другое, напоминающее христіанское ученіе о Провидѣніи, обращающемъ зло въ добро: ибо этотъ невидимый смыслъ надъ безсмыслицей современности ей трансцендентенъ, тогда какъ Разумъ въ гегелевскомъ его пониманіи *имманентенъ* дѣйствительности. Гегель умѣлъ находить абсолютную мысль во всемъ развитіи человѣческой мысли, даже въ наиболѣе, казалось бы, чуждыхъ ему философскихъ ученіяхъ; отбрасывать все чуждое, какъ необъяснимую „ерунду“, и „разводить руками“ было совсѣмъ не въ его духѣ. И матеріализмъ, и эмпиризмъ, и мистицизмъ, и реализмъ въ искусствѣ, и социализмъ, — вообще всѣ тѣ теченія умственной жизни, которыя поиряду *отбрасывались* Чичеринимъ, оказались бы для Гегеля моментами діалектическаго развитія абсолютной мысли.

Вообще Борисъ Николаевичъ производитъ единственное въ своемъ родѣ впечатлѣніе челоѣка, для котораго міровой разумъ былъ *весь въ прошломъ*. Борисъ Николаевичъ не видѣлъ его не только въ *настоящемъ*, онъ не ждалъ ничего хорошаго и отъ *будущаго*, не чуялъ въ немъ никакого просвѣта. Несмотря на панлогизмъ, который, казалось бы, долженъ вести къ чрезвычайно оптимистическому міровоззрѣнію, настроеніе Бориса Николаевича въ общемъ было чрезвычайно пессимистическимъ. Его всегдашняя бодрость обусловливалась не какими либо ожиданіями и надеждами, а скорѣе тѣмъ философскимъ стоицизмомъ, который давалъ ему силу переносить всякія невзгоды.

Въ его жизни, какъ и въ его мысли, въ ту пору, когда я его близко узналъ, все было въ *прошломъ*. Онъ былъ *бывшій профессоръ*, ушедшій изъ университета, вслѣдствіе нарушенія автономіи; вер-

нуться въ университетъ при полномъ *отсутствіи* автономіи, онъ, конечно, бы не могъ. Поступить на какую либо службу онъ бы могъ еще менѣе, такъ какъ служба на высокихъ должностяхъ въ то время была неизбѣжно связана съ компромиссами, совершенно несомѣстимыми съ его нравственнымъ обликомъ. Его рукописные мемуары полны воспоминаніями о такихъ компромиссахъ съ совѣстью многихъ прежнихъ друзей и товарищей. Одному изъ нихъ онъ какъ то писалъ: „что ты дѣлаешь въ твоёмъ поганомъ сенатѣ“? Могъ ли служить человекъ, для котораго даже ношеніе ордена казалось компромиссомъ съ совѣстью. Самъ же онъ со смѣхомъ читалъ при мнѣ характерный отрывокъ изъ своихъ воспоминаній о покойномъ наслѣдникѣ-цесаревичѣ Николаѣ Александровичѣ, воспитателемъ коего онъ былъ. Въ день рожденія своего царственного воспитанника онъ былъ вынужденъ надѣть ордена. „Какъ, — воскликнулъ наслѣдникъ, — и вы, Борисъ Николаевичъ, въ орденахъ“. — „Очень жаль, Ваше Высочество, — сказала Чичеринъ, — что въ день Вашего рожденія пришлось такъ опоганиться.“ Малѣйшій внѣшній знакъ зависимости отъ кого бы то ни было казался ему невыносимымъ. Съ такимъ духовнымъ складомъ на государственной службѣ, разумѣется, не служить и въ лучшія времена, чѣмъ тогдашнее.

Въ минуту, когда я съ нимъ познакомился, онъ былъ вышвырнутъ за бортъ и изъ общественной службы — благодаря все той же необычайной прямотѣ и независимости сужденій. На обѣдѣ городскихъ головъ въ Москвѣ, въ дни коронаціонныхъ торжествъ императора Александра III-го, онъ произнесъ рѣчь о необходимости „увѣчанія зданія“ русскаго государства народнымъ представительствомъ и, вслѣдствіе этого, былъ вынужденъ подать въ отставку. Съ тѣхъ поръ *бывшій* профессоръ сталъ на всю жизнь и *бывшимъ* общественнымъ дѣятелемъ. Въ смыслѣ *настоящаго* у него осталось только его родовое имѣніе

„Караулъ“ Тамбовской губерніи, гдѣ онъ, бездѣтный, проживалъ съ своею женою Александрой Алексѣевной, да рабочій кабинетъ и библіотека, гдѣ онъ работалъ, не покладая рукъ, выпуская почти каждый годъ новые и новые тома своихъ произведеній. Отцомъ Борисъ Николаевичъ былъ тоже въ *прошломъ*, въ началѣ своей супружеской жизни: его единственная дочь скончалась очень рано, въ нѣжномъ возрастѣ.

Все его существованіе было обвѣяно элегіей. Усадьба его, расположенная среди дивной красоты парка при сліянніи двухъ рѣкъ — *Вороны и Панды*, окаймленныхъ лѣсистыми, высокими холмами съ вѣковыми елями и соснами, представляла собою чудный оазисъ среди черноземной пустыни. Вся красота мѣстности и, конечно, всѣ лѣса сосредоточиваются исключительно въ долинахъ рѣкъ. А чуть-чуть дальше прямыя, ровныя и безнадежно однообразныя линіи черноземныхъ полей. Среди этой безконечной плоскости русской равнины онъ самъ — такая же аномалія, какъ его дивный паркъ и прелестная усадьба. Какъ могъ зародиться среди этихъ ровныхъ полей этотъ „самъ изъ себя развивающійся“ возвышенный идеализмъ русскаго западника!

На высококомъ холмѣ недалеко отъ церкви высился его уютный, симпатичный, помѣстительный, но, увы, почти пустой домъ; въ немъ тоже все было обвѣяно воспоминаніями о *прошломъ*, когда Кирсановскій уѣздъ былъ полонъ людьми еще пушкинской эпохи. Борисъ Николаевичъ любилъ вспоминать про этихъ людей. Нетрудно понять, какую огромную роль играютъ воспоминанія въ жизни, лишенной настоящаго. Неудивительно, что мемуары покойнаго мыслителя, къ сожалѣнію, большей частью еще не изданныя, составляютъ самое яркое, привлекательное и художественное изъ всего, что онъ написалъ. Въ нихъ чувствуется та горячность сердца, которая, разумѣется, не могла проявиться въ его ученыхъ трудахъ, тотъ духовный аристократизмъ, который такъ рѣзко кон-

трастируетъ съ вульгарнымъ стилемъ современности. Въ этомъ противопоставленіи прошлаго настоящему все время чувствуется нота, такъ прекрасно передаваемая лермонтовскими стихами:

Да, были люди въ наше время,
Не то, что нынѣшнее племя,
Богатыри, не вы . . .

Замѣчательный отрывокъ изъ этихъ мемуаровъ, — „Воспоминаніе о Кривцовѣ“, — уже былъ гдѣ то напечатанъ. Въ общемъ это — красивая и поэтическая элегія старо-дворянской культуры сороковыхъ годовъ. Минѣ она больше всего напоминаетъ его самого, какъ олицетвореніе той интимной, задушевной области этого большого, любящаго сердца, куда дано было проникать лишь немногимъ. Въ общемъ его жизнь и дѣятельность — красивая, благородная, но необыкновенно грустная страница изъ исторіи русской культуры. Это исторія человѣка, который пришелся не ко двору въ Россіи и былъ выброшенъ за бортъ жизнью, потому что онъ былъ слишкомъ кристалльный, гранитный и цѣльный. Глубоко грустно думать о томъ, что столь рѣдкія душевныя его качества не были использованы Россіей. Остались послѣ него книги, въ числѣ коихъ есть весьма цѣнныя. Но самъ то онъ былъ больше и лучше своихъ книгъ; и именно это большее и лучшее въ немъ — его сердце — осталось втунѣ для родины: оно возмущалось, страдало, негодовало, — но не вліяло на окружающее, не могло участвовать въ строительствѣ жизни.

Грустно думать о томъ прекрасномъ, единственномъ въ своемъ родѣ, что вмѣстѣ съ нимъ навѣки исчезло. Ходятъ зловѣщіе слухи о томъ, что разгромленъ тотъ уютный домъ въ „Караулѣ“, который его такъ живо напоминалъ. Больно думать о спутницѣ его дней — Александрѣ Алексѣевнѣ, такой же, какъ онъ, кристалльной и цѣльной; больная полуслѣ-

пая и, по всей вѣроятности, голодная доживаетъ она свою одинокую старость въ занятомъ большевиками Тамбовѣ. Больно думать обо многомъ. Но больнѣе всего сознавать, что мы живемъ въ вѣкъ хаотическаго разрушенія всѣхъ воспоминавй, украшавшихъ наше прошлое.

Пусть же перейдетъ въ потомство память объ этомъ необыкновенно стойкомъ чловѣкѣ, который боролся съ вѣкомъ за тѣ великія духовныя сокровища, въ которыя онъ вѣрилъ. Кое что очень цѣнное онъ, безъ сомнѣнія, проглядѣлъ въ окружающей его духовной атмосферѣ. Но въ общемъ онъ былъ правъ въ своей неуступчивости. Когда нибудь потомство, прочтя его мемуары, вспомнитъ, сколько было грубаго, пошлаго, вульгарнаго и низкаго въ томъ, что онъ отрицалъ. Тогда будущій историкъ вспомнитъ съ чувствомъ глубокаго нравственнаго удовлетворенія о его суровомъ и нелицеприятномъ судѣ надъ русской дѣйствительностью. Онъ пойметъ, что самая рѣзкость его сужденій обуславливалась возвышенными нравственными требованіями и гордчей любовью къ родинѣ.

XII. Великосвѣтская Москва восьмидесятихъ годовъ. Наши шарады.

Чтобы закончить съ характеристикю Москвы въ мои студенческіе годы съ 1881 по 1885 годъ остается разсказать о жизни тѣхъ общественныхъ круговъ, которые я въ то время могъ наблюдать.

Какъ сказано, общественной жизни тогда или вовсе не было, или было очень мало. Миѣ приходилось наблюдать почти исключительно жизнь частную, домашнюю, въ которой тогда еще сохранились кое какіе остатки старо-дворянскаго великолѣнія и соответствующихъ дворянскихъ нравовъ.

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ. Миѣ какъ то трудно себѣ представить, что въ то время для

„дамы изъ общества“ считалось неприятымъ сидѣть въ партерѣ театра, — у нея обязательно должна была быть ложа; для нея признавалось совершенно неподобающимъ пользоваться извозчиками: она должна была выѣзжать не иначе, какъ въ каретѣ, притомъ съ выѣзднымъ ливрейнымъ лакеемъ въ высокомъ цилиндрѣ. Помню, какъ, бывало, въ дни симфоническихъ концертовъ, куда съѣзжалась вся аристократическая Москва, прилегающія къ Дмитровкѣ улицы и сама Дмитровка были заняты безконечными вереницами каретъ съ гербами, которыя по окончаніи концерта въ Дворянскомъ Собраніи торжественно выкликались околочными: „карр-е-е-тта графики С., ккаарретта княгини Г.“ При этомъ не всѣ отпускали карету домой на время самаго концерта, и кучера порядочно мерзли. Далѣе переднія самаго Дворянскаго Собранія были переполнены ливрейными лакеями съ узлами, охранявшими платья господъ и игравшими между собою весь вечеръ въ „стуколку“. Мужчины для этихъ симфоническихъ концертовъ и для сидѣнія въ ложахъ театровъ должны были наряжаться во фраки.

И ложа въ театрѣ, и карета, и выѣздной лакей, и французскій языкъ, замѣтно портившійся, но все еще господствовавшій, въ гостинныхъ, — все это были знаки сословнаго обособленія, которое тогда еще поддерживалось. На великосвѣтскихъ балахъ и приемныхъ дняхъ тогдашняго московскаго дворянства еще нельзя было встрѣтить представителей московскаго именитаго купечества, какъ бы культурны и образованы они ни были. Мужчины-дворяне уже нарушили эту грань: молодые люди нерѣдко бывали на купеческихъ балахъ, но *женщины — никогда*. Онѣ все еще оставались вѣрными хранительницами сословности. Великосвѣтскія барышни выходили и выѣзжали не иначе, какъ подъ водительствомъ „шапрона“, т. е. пожилой особы, — матери, тетушки, гувернантки. Даже вдвоемъ, съ женихомъ съ трудомъ пускали гулять; въ дни *моей* молодости это было смѣлымъ нововведеніемъ, только начинавшимъ прививаться.

При этомъ было чрезвычайно много парадной и декоративной старо-дворянской обрядности. Семейства, гдѣ были „выѣзжавшія барышни“, отъ времени до времени устраивали балы по вечерамъ или любительскіе спектакли и имѣли непременно одинъ пріемный день въ недѣлю. А на ихъ знакомыхъ лежала повинность бывать на этихъ пріемныхъ дняхъ. Повинность, кстати сказать, весьма обременительная, особенно для молодыхъ людей, и требовавшая отъ нихъ огромной затраты времени. На пріемныхъ дняхъ должны были бывать всѣ, желавшіе получить приглашеніе на балъ или вечеръ въ данный домъ, и всѣ, бывшіе на вечерахъ, въ знакъ благодарности: это называлась — *visite de digestion*; кромѣ того, всякій, танцовавшій съ барышней, тоже долженъ былъ являться на пріемный день „представляться ея родителямъ“ или „благодарить за танцы“. А при этомъ баловъ въ разгарѣ сезона, въ Декабрѣ, Январѣ и до самаго Великаго поста бывало иногда по два, по три въ недѣлю. Балы были красивые, веселые, танцовали до упада, ужинали, опять танцовали и разѣзжались часовъ въ пять — шесть утра. Но во сколько разъ проще, дешевле и привлекательнѣе можно было бы устроить веселье безъ всей этой громоздкой, скучной и ненужной обрядовой ругины.

Когда я былъ студентомъ, я въ общемъ не бывалъ на балахъ, за крайне рѣдкими исключеніями, а братъ мой не бывалъ на нихъ даже ни разу. Не то, чтобы это не было весело: нѣтъ, всѣ тѣ немногіе разы, когда я туда попадалъ, я, какъ и большинство танцовавшихъ *въ началѣ* выѣздовъ, — искренно веселился. Но тутъ нужно было выбирать: или балы, или философія, — средняго выхода не было. Кто становился на путь „выѣздовъ“, — тотъ долженъ былъ посвятить имъ себя всецѣло. О какихъ серьезныхъ занятіяхъ можетъ идти рѣчь, когда днемъ либо голова болитъ и глаза слизаются отъ вчерашней безсонной ночи, либо нужно дѣлать безконечные визиты. Я не знаю ничего болѣе утомительнаго, чѣмъ посѣщеніе

пріемныхъ дней, гдѣ нельзя даже двумя тремя словами перекинуться изъ за необходимости ежесекундно вскакивать передъ входящими почтенными старухами.

Я всегда себя спрашивалъ, для кого и для чего нужна эта канитель. Любители и любительницы пріемныхъ дней въ Москвѣ тогда встрѣчались; но это были рѣдкія исключенія, надъ которыми всѣ смѣялись. Помню, напримѣръ, изящнаго, молодившагося старика, корчившаго изъ себя маркиза, любившаго щегольнуть изученной дома французской фразой, тростью съ необыкновеннымъ набалдашникомъ, да визиткой по послѣдней модѣ отъ лучшаго Парижскаго портного. Помню, какъ онъ изящно изгибался, разговаривая съ такой же любительницей пріемныхъ дней — дамой. Ихъ привѣтствовали фразой — *il faut vous mettre tous les deux sur un éventail*. А они не почувствовали яда этого ироническаго комплимента и были довольны. Но такихъ на всю Москву было два — три, и обчелся. Въ общемъ же тогдашнее Московское общество совсѣмъ не страдало великосвѣтской пустотой. И, однако, всѣ такъ жили, даже люди весьма серьезные, потому что не представляли себѣ, какъ можно жить иначе.

Помню, что этотъ громоздкій великосвѣтскій аппаратъ съ его китайскими церемоніями почти всѣмъ былъ въ тягость. Онъ оставлялъ чувство гнетущей пустоты въ душѣ и необыкновенно дорого стоилъ карману. Веселіе баловъ увлекало молодежь въ первые мѣсяцы, въ лучшемъ случаѣ въ первый годъ выѣздовъ. Но въ концѣ концовъ, и душа, и тѣло утомлялись отъ этой жизни, не оставлявшей времени, чтобы связать двѣ мысли вмѣстѣ. И, однако, люди были рабами преданія. Съ поконъ вѣка было принято, что „молодые люди должны видѣться на балахъ“. И вотъ, молодой человѣкъ долженъ былъ „выганцовывать жену“, а молодая дѣвушка — мужа. Важное же дѣло въ жизни — супружество — рѣшалось за какимънибудь катильономъ или мазуркой, въ обстановкѣ, почти

устранявшей возможность близкаго знакомства, потому что серьезный разговоръ на балу былъ частью невозможенъ, частью же не принять, какъ признакъ смѣшного педантизма.

Уже задолго до революціи все это упростилось, — пропасть лишняго балласта была выброшена за бортъ. Приходится жалѣть не объ этихъ, уже въ моей молодости отживавшихъ обломкахъ стараго быта, а о многомъ другомъ утраченномъ.

Я говорю не объ однѣхъ серьезныхъ сторонахъ жизни. Были въ моей молодости радостныя картины безграничнаго веселья, относящіяся къ той же эпохѣ, о которыхъ мнѣ и сейчасъ весело вспомнить. Для будущаго русской молодежи я бы отъ души желалъ, чтобы повторялись имъ наши развлечения, которыя увлекали и радовали игрой ума и блескомъ яркаго таланта.

А такія были. — Помню, напримѣръ, цѣлую зиму въ Москвѣ, когда въ одномъ родственномъ домѣ разыгрывались блестящія, исключительныя по остроумію шарады, разраставшіяся въ цѣлые маленькіе спектакли. Это было возможно благодаря присутствію среди исполнителей трехъ большихъ талантовъ, изъ коихъ двое — графъ Федоръ Львовичъ Сологубъ и мой братъ Сергѣй — разрабатывали сюжеты шарады въ стихахъ, а третій — Николай Андреевичъ Кислинскій подлагалъ эти стихи на музыку. Получалась собственно уже не шарада, а цѣлая оперетка съ увертюрой, хорами и аріями. — Въ концѣ концовъ авторы съ шарады прямо перешли на оперетки, которыя они сочиняли, а затѣмъ тутъ же разучивали и ставили. Нѣкоторыя изъ этихъ произведеній были перлами остроумія литературнаго и въ то же время музыкальнаго.

Такова была, напримѣръ, исполненная нами дважды шарада „Баянъ“, темой для которой послужило призваніе варяговъ. Кислинскій написалъ и исполнилъ на роляхъ увертюру къ этой пьесѣ, въ которой удивительно ловко сплетались три ея руководящихъ мотива,

— славянскій мотивъ безпорядка, *нѣмецкій* мотивъ варяговъ „Lieber Augustin“ и, наконецъ, торжествующій *мотивъ порядка*, канвой для котораго послужила бѣдная и однообразная тема „церемоніальнаго марша“. Безпорядокъ изображался нестройными хроматическими руладами въ началѣ увертюры. Потомъ какъ будто издали появлялся мотивъ „Lieber Augustin“ и вступалъ въ борьбу съ хаосомъ хроматическихъ звуковъ. Хаосъ, въ началѣ срывавшій и заглушавшій „Augustin“, къ серединѣ увертюры слабѣлъ и, наконецъ, исчезалъ, а радостная „Augustin“ переплеталась съ тяжелою и мѣрною поступью „церемоніальнаго марша“, который въ концѣ концовъ побѣдно гремѣлъ, разрастаясь въ громкое и громоподобное плацдардное торжество. — Кислинскій не пожалѣлъ красокъ и триумфъ порядка звучалъ у него необыкновенно забавно. Композиція увертюры и всей вообще музыки шарады была настолько талантлива, что присутствовавшій при исполненіи пѣсы П. И. Чайковскій обратилъ вниманіе на Кислинскаго и имѣлъ съ нимъ долгій разговоръ: онъ убѣждалъ его серьезно заниматься, предлагалъ свое содѣйствіе и приглашалъ къ себѣ на домъ.

Развитіе сюжета въ пьесѣ было таково же, какъ и въ увертюрѣ. — Въ началѣ — дикія сцены безпорядка подъ аккомпаниментъ хроматическихъ руладъ. — Однѣмъ „умыкаетъ дѣвицу“, другой мочетъ по губамъ и бьетъ Перуна. Тутъ же группа у костра, которая „жаритъ сапоги въ смятку“, — „любимое славянское кушанье“. — Пѣвецъ Байръ поетъ о привольномъ житіи на Руси и о прелестяхъ безпорядка:

Ни исправника, ни министра
 Не встрѣчалъ я на Руси проживаючи;
 Вольно брагу пьютъ, вольно кушаютъ,
 Вольно ходятъ на Руси обыватели.

И вдругъ среди хаоса предостерегающаго рѣчь вѣщаго старца Гостомысла, предсказывающаго печальный конецъ безпорядка.

Уже бо дивъ вержеса съ неба на земли.

И говоръ птичій убуди.

(Голоса въ народѣ: убуди, убуди, это онъ такъ
точно).

Уже бо очи мои мысленія въ край моря летаючи,
Ладьи соглядаючи,

Провидятъ нѣкое облое судно ко берегу русскому
поспѣшающее

И на ономъ суднѣ три десницы, тростями пома-
вающія,

Оле бедръ вашихъ посѣкновенію,

Оле въ кутузкахъ вашему сидѣнію,

Оле грядущему вашему тяжкому плѣненію.

Вдали слышится „Augustin“, показываются три лодки въ морѣ и изъ нихъ выходятъ съ дружиной подъ звуки церемоніальнаго марша Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ. Первый говоритъ исключительно по русски, но съ явнымъ нѣмецкимъ акцентомъ, второй мѣшаетъ русскія и нѣмецкія слова, а третій — исключительно по нѣмецки. — Хоръ славянъ встрѣчаетъ пришельцевъ гимномъ, представляющимъ явную пародію на знаменитую тогдашнюю передовицу Каткова: „встанте, господа, посторонитесь, Правительство идетъ“.—

Съ заката солнце красное

На этотъ разъ встаетъ.

Правительство прекрасное

Къ намъ съ запада идетъ.

Правительство, правительство,

Правительство идетъ.

Давно ему пора, давно ему пора.

Порядокъ намъ, порядокъ намъ,

Порядокъ намъ несетъ,

Ура, ура, ура, ура, ура.

Характерно, что по просьбѣ домашней цензуры фраза, слишкомъ напоминавшая Катковскую передо-

вицу, была измѣнена: вмѣсто „правительство“ и т. д. мы пѣли: „смотрите кто, смотрите кто, смотрите кто, смотрите кто идетъ“.—

За симъ варяги немедленно наводятъ порядокъ. Наивный славянинъ Янъ Усмошвецъ спрашиваетъ Аскольда, гдѣ его могила: „скажите ради Бога, гдѣ же я видѣлъ Аскольдову могилу“. Яна хватаютъ и моментально приносятъ въ жертву Перуну. Кій, Шекъ и Хоривъ въ негодованіи призываютъ къ возстанію въ воинственныхъ куплетахъ.

Льготы древнія попрали
 Наши лютые враги.
 Запретили, отобрали
 Въ смятку, въ смятку сапоги.

Они бѣгутъ на Кіевъ, гдѣ еще можно „жарить сапоги въ смятку“. А Рюрикъ посылаетъ за ними погоню, которая идетъ гусинымъ шагомъ подъ звуки церемоніальнаго марша: „Ваше-ство, Вашескобородіе“, кричитъ вслѣдъ Гостомысль. — „тамъ не пушаютъ“.

Въ борьбу національныхъ мотивовъ влетаетъ романтической эпизодъ между Баяномъ и сестрой Рюрика Амаліей. — Онъ увлекаетъ ее русскими мелодіями, а она отвѣчаетъ съ нѣмецкимъ акцентомъ на мотивъ „Augustin“.

Эти звуки наполняютъ
 Сердце мнѣ Ба-янь.
 Твои пѣсни причиняютъ
 Мнѣ большой изъ-янь.

Рюрикъ застаётъ сестру съ пѣвцомъ и раздражается угрозами. „Слушайтъ, сестра Amalie: если я еще разъ увижу васъ съ эти господнявъ: also wenn ich dich noch einmal sehe mit diesem Kerle“ — и потрясаетъ кулакомъ въ воздухъ.

Кончается оперетка дуэтомъ Амаліи и Баяна на берегу Днѣпра. — Застыгнутое врасплохъ погоней

Рюрика они, взявшись за руки, бросаются въ воду — Рюрикъ, явившійся слишкомъ поздно, кричитъ въ отчаяніи:

„Отнынѣ я не шиловекъ, а правитель.“

И уводитъ свою дружину гусинымъ шагомъ подъ звуки церемоніальнаго марша. Гостомысль, выступивъ на авансцену, произноситъ лаконическую фразу:

„Отнынѣ сумнительному поведенію кры-ышка.“
На этомъ занавѣсъ падаетъ.

Сколько было задумано и написано въ этомъ родѣ: оперетка „Троянцы“ съ фугой героевъ въ деревянномъ конѣ, оперетка „Камбасересъ Стыцан-вый или рыцарь поупризрачнаго поирывала“ (эти двѣ исполнены не были), была пародія съ куклетами на дѣтскую пьесу „Симеонъ Злочестивцевъ“. Была разыгранъ цѣлая оперетка „Альфонсо двадцать пятое“, гдѣ бездѣтная королевская чета заказываетъ насѣдника алхимику, и онъ „путемъ алхимическимъ“ составляетъ имъ сына въ ретортѣ. Все это было остроумно, музыкально, изящно, а главное, — необычайно весело и смѣшно.

Вспоминяя дни нашей молодости, я съ благодарностью думаю о томъ, какая богатая жизнь выпала на нашу долю. Сколько въ ней было интереснаго, увлекательнаго, съ какими значительными людьми мы встрѣчались, какіе горизонты открывались въ этихъ встрѣчахъ. А рядомъ съ этимъ — какой избытокъ бьющаго ключемъ молодого вѣселя. По сравненію становится больно думать о нашихъ дѣтяхъ, которымъ довелось жить въ эпоху бурь, страданій и лишеній. Какъ радостно мы жили и какъ счастливы, бѣдныя, теперь видятъ мало счастья въ жизни.

Я не вѣрю въ гибель Россіи, я убѣжденъ, что еще будутъ лучшіе дни. Но когда они наступятъ. Нашему поколѣнію не на что жаловаться. Что бы съ нами не случилось въ будущемъ, у насъ есть это пріятное, мы не были обездомены. Но чего бы я не отдалъ за то, чтобы хотя бы имъ, которымъ столько натерпѣ-

лись въ молодости, дано было увидать и пережить то лучшее, на что я надѣюсь.

Господи, спаси ихъ и сохрани.

XIII. Военная служба.

Весною 1885 года я кончилъ курсъ университета кандидатомъ правъ и тотчасъ же поступилъ въ стоявшій въ Калугѣ Кіевскій Гренадерскій полкъ для отбыванія воинской повинности на правахъ вольноопредѣляющагося.

Собственно говоря, я могъ этого и не дѣлать, такъ какъ М. М. Ковалевскій положительно обѣщаль мнѣ оставить меня при Университетѣ, что освобождало отъ отбыванія воинской повинности. Не мнѣ хотѣлось быть самостоятельнымъ по отношенію къ будущей университетской службѣ. — Мнѣ рисовалась возможность когда нибудь по долгу совѣсти быть вынужденнымъ подать въ отставку изъ профессоровъ. Перспектива — отбывать воинскую повинность *послѣ* этого въ качествѣ рядового, быть можетъ, въ очень почтенномъ возрастѣ, мнѣ не улыбалась, и я рѣшился *на всякій случай* отбыть ее заранѣе. Это было въ то время не трудно, такъ какъ отъ вольноопредѣляющихся перваго разряда по образованію требовалось всего только *три мѣсяца* службы во время лагернаго сбора.

Выборъ полка обусловливался давно созрѣвшими симпатіями. — Вслѣдствіе долгаго пребыванія полка въ Калугѣ, мы хорошо знали многихъ офицеровъ и въ особенности полкового командира — полковника Александра Константиновича Маклакова. Послѣдній — представитель исчезнувшаго теперь, къ сожалѣнію, типа военного добраго стараго времени, давно уговариваль меня поступить къ нему: „идите ко мнѣ, — не идите въ артиллерію“, — настаиваль онъ, — „у меня будете солдатомъ, а въ артиллеріи — филармономъ“, слово „филармонъ“ для него означало не то музыканта, не то штатскаго. — „Не беспокойтесь за Вашего сына“, го-

вариваль онъ отцу: „я о немъ позабочусь, — вѣдь я и самъ отецъ“.

Чудачества Алаксандра Константиновича были хорошо извѣстны мнѣ, какъ и всѣмъ калужанамъ, но все таки при поступленіи въ полкъ онъ превзошелъ мои ожиданія. Когда вольноопредѣляющихся, вступившихъ въ полкъ, приводили къ присягѣ въ нашемъ полковомъ лагерѣ, онъ разразился рѣчью, которая относилась лишь въ меньшей своей части ко всѣмъ присягавшимъ, а въ большей своей части, — ко мнѣ одному.

Выдвинувшись впередъ, онъ началъ подбоченившись. — Понимаете ли вы, что такое присяга. — Ты дасшь вексель. Если ты по векселю не уплатишь, не исполнишь своего гражданского слова, тебя посадятъ въ кутузку. Если же ты присягу, — слово Царю — данную передъ святымъ Евангеліемъ, нарушишь, что съ тобой за это будетъ? Служить!!! — властно крикнулъ онъ и, помолчавъ на наше „рады стараться, Ваше Высокоблагородіе“, онъ продолжалъ, обращаясь уже ко мнѣ одному:

— „Ты думаешь, что служба это все равно, какъ твоя гражданская профессорская книжка, которую ты сегодня открылъ, а завтра закрылъ да бросилъ. Нѣтъ, братъ, служба не такая штука. — Вѣдь твой профессора между собою грызутся?“ — Я молчалъ. — „Грызутся, грызутся?“ грозно настаивалъ полковникъ. — „Такъ точно, Ваше Высокоблагородіе, бываетъ“, промолвилъ я.

— „Ну, грызутся, загрызутъ и тебя, продолжалъ полковникъ. Выйдешь изъ университета, пойдешь въ походъ подъ ранцемъ. — *Быть офицеромъ.*“

Я не былъ готовъ къ этой мысли — быть офицеромъ и сконфуженно молчалъ. — А полковникъ началъ уже въ болѣе мягкомъ стилѣ увѣщаніе: — „Ты не долженъ смѣшиваться съ солдатомъ. У тебя должно быть тѣло, мундиръ, пуговицы — солдатскіе, а дума — офицерская, потому стремленіе твое

должно быть не тамъ. — Служить, быть офицеромъ“, — громко рявкнулъ онъ.

Это было уже приказаніе; я пробормоталъ — „Слушаю, Ваше Высокоблагородіе“ и понялъ, что я теперь волею-неволею долженъ стать офицеромъ. Маклаковъ такъ меня и понялъ: онъ говорилъ, что я „*посль присяги*“ обѣщалъ ему стать офицеромъ. Я же чувствовалъ себя связаннымъ, и это положило конецъ моимъ колебаніямъ: я окончательно рѣшилъ готовиться къ офицерскому экзамену.

Это было не такъ просто. Легкихъ экзаменовъ позднѣйшей эпохи на прапорщика запаса въ то время еще не было; надо было готовиться на подпоручика, что было много труднѣе. Къ тому же экзаменъ предстоялъ въ сентябрѣ, а поступилъ я въ полкъ въ началѣ юня. Надо было умѣстить въ трехмѣсячный срокъ и строевыя занятія, и приготовленія: нужно было изучить къ экзамену шесть наукъ и десять уставовъ.

Полковникъ, сердечно любившій свой полкъ, хотѣлъ приобрести въ моемъ лицѣ хорошаго офицера. Поэтому за мной слѣдили. Полковникъ самъ иногда приходилъ по утрамъ въ мою четвертую роту — смотрѣть, какъ и чѣмъ я занимаюсь. А дядька — ефрейторъ, найдя въ моей палаткѣ „Критику силы сужденія“ Канта, счелъ нужнымъ прочесть мнѣ наставленіе. „У Васъ, баринъ, есть на столѣ постороннія книги. — Вамъ нужно сейчасъ учить воинскіе уставы, а что тамъ дальше, то до Васъ не касается.“ И „Критика силы сужденія“ лежала безъ употребленія — не въ силу дядькинаго наставленія, а просто потому, что на нее не хватало силъ и времени.

Меня усиленно обучали строю и „словесности“; и въ одинъ мѣсяць я былъ уже настолько подготовленъ, что сталъ въ строй и не портилъ фронта моей роты. Помню, что это давалось мнѣ цѣною значительнаго, хотя и здороваго утомленія. Оно было мнѣ даже пріятно, какъ отдыхъ отъ усиленной

умственной жизни. Даже приготовления къ офицерскому экзамену шли сравнительно вяло въ первые два мѣсяца — тѣмъ болѣе, что послѣ утомительныхъ занятій я иногда отправлялся пѣшкомъ изъ отдаленнаго лагеря въ калужскій „Загородный садъ“, гдѣ жили мои, проводилъ вечеръ въ игрѣ въ лаунъ-теннисъ и обязательно долженъ былъ возвращаться въ лагерь на другой день въ шесть часовъ утра. Я, однако, не жалѣлъ объ утомленіи и потерѣ времени, такъ какъ знакомство съ совершенно новымъ для меня полковымъ міромъ было для меня чрезвычайно интереснымъ.

Мой ротный командиръ — штабсъ-капитанъ П., недавно скончавшійся въ генеральскихъ чинахъ, былъ такъ же, какъ и полковникъ Маклаковъ, настоящимъ и хорошимъ военнымъ человѣкомъ добраго стараго времени. Начальство всегда считало его однимъ изъ лучшихъ офицеровъ, потому что порядокъ въ ротѣ у него былъ образцовый, а солдаты души въ немъ не чаяли, во первыхъ, за большую заботливостъ и сердечностъ, а во вторыхъ — за патріархальныя способы управленія, въ особенности же за художественную брань, въ которой онъ былъ несравненнымъ мастеромъ. — „Хорошій капитанъ“, — говорили они. — „Хучь енъ морду и ковыряеть, ну никто какъ енъ не выругается.“ Брань Петра Ивановича всегда поддерживала веселое настроеніе въ его командѣ свою несравненную мѣткостію. „Ей ты, Жестянный,“ — кричалъ онъ слабосильному солдату, носившему фамилію „Желѣзный“, — „что у тебя ружье изъ рукъ валится.“ И веселый шопотъ пробѣгалъ по ротѣ: „жестянный, слышь, какъ сказалъ, — жестянный.“ Но наиболѣе художественныя изобрѣтенія Петра Ивановича, дѣлавшія почти невозможнымъ удержаться отъ хохота, конечно, никогда не появятся въ печати. О нихъ трудно говорить даже въ видѣ намека, тѣмъ болѣе, что они всегда были новы и неожиданны.

А „ковырянье морды“ прощалось Петру Ивановичу, во первыяхъ, потому, что оно обыкновенно замѣняло отвѣтственность болѣе тяжкую, чаще всего — отдачу подъ судъ; во вторыхъ, солдаты цѣнили то, что онъ въ этихъ случаяхъ билъ всегда плашмя, а не кулакомъ — безъ поврежденія зубовъ и челюстей. Происходило это обыкновенно такъ: тяжело провинившійся призывался къ капитану и ему сначала подносился текстъ закона, въ которомъ мелькали страшныя слова: „дисциплинарный батальонъ, арестантскія роты“ и т. п. Солдатъ блѣднѣлъ и съ трясущейся челюстью пытался валиваться въ ноги — „Уу-у сук-инъ сынъ, — налеталъ на него капитанъ, — видѣлъ, что тебѣ по закону; а вотъ тебѣ по благодати, — разъ, два, три“. И тремя звонкими оплеухами снималась съ „преступника“ всякая дальнѣйшая отвѣтственность. Я собственными глазами видѣлъ подписку, данную молодымъ солдатомъ — дворяниномъ, котораго капитанъ такимъ способомъ „спасъ“ отъ тяжелой уголовной кары. „Клянусь Всемогущимъ Богомъ въ томъ, что никогда впредь не напьюсь пьянъ на службѣ; буде же сего клятвеннаго моего обѣщанія не исполню, прошу капитана П. наказать меня розгами.“

Это былъ, конечно, исключительный случай; но вотъ случай — болѣе обыденный. Служившій мнѣ деньщикомъ солдатикъ — въ общемъ изъ плохихъ и жестокой пьяница, разъ попался въ какомъ то очень и тяжкомъ проступкѣ. „Что съ тобою, Хомутовъ. — спросилъ я, слышавъ его стоны и вздохи. — Отъ, плохо, баринъ, совсѣмъ плохо. — Да что же плохо? — Баринъ, — енъ за это обнаковенно морду ковыряетъ, а вотъ — не наковырялъ. — Ну такъ что же такое? — Охъ, пло-охо, должно подъ судъ отдать хочеть.“

Такъ мучился и стоналъ солдатикъ весь день; но къ вечеру я засталъ его уже радостнымъ. Спрашиваю: „что жъ повеселѣлъ Хомутовъ? — *Нако-*

*вырять**, — отвѣчалъ онъ мнѣ, и все лицо его вдругъ озарилось блаженной улыбкой.

Позднѣе, уже въ дни первой революціи, я узналъ изъ разсказовъ Петра Ивановича новыя изумительныя иллюстраціи этого пристрастія къ „суду скорому и милостивому“. Вольноспредѣляющійся-еврей въ его полку попался въ революціонной пропагандѣ. Дѣло грозило разстрѣломъ. — Что же Вы, Петръ Ивановичъ, — спросилъ я, — неужели подъ судъ отдали? — Зачѣмъ же губить, — съ доброй и лукавой улыбкой отвѣчалъ Петръ Ивановичъ. — Ну такъ какъ же? — Массажъ примѣнилъ, — отвѣтилъ онъ, и весь изнутри просіялъ.

Петръ Ивановичъ „не любилъ мараить репутацію“ солдатамъ. — У меня штрафной журналъ — бѣлый листъ, — говаривалъ онъ, — начальство обижается, спрашиваетъ: что же у Васъ, капитанъ, — святая рота, неужели никто никогда ни въ чемъ не провинился! — Никакъ нѣтъ, — говорю, Ваше Превосходительство. — Ну, да генералы, небось, это понимаютъ.

Разумѣется при темпераментѣ Петра Ивановича и при его вспыльчивости ему случалось превысить мѣру. „Фельдфе-е-бель,“ кричалъ онъ тогда зычнымъ голосомъ. Фельдфебель вытягивался передъ его палаткою. — На сколько дней Ивановъ просился въ отпускъ? — Такъ, что на два дня, Ваше Высокоблагородіе! — А сколько разъ я его въ морду двинулъ? — Такъ, что три раза, Ваше Высокоблагородіе. — Такъ отпустить его на три дня.

— „Господи, кабы ень мнѣ четыре разъ двинулъ, на четыребѣ дня и отпустилъ, — говорилъ обрадованный Ивановъ.

Не знаю, возможны ли еще теперь подобные нравы, но въ мое время солдаты предпочитали Петра Ивановича всѣмъ прочимъ командирамъ. Въ сосѣдней ротѣ капитанъ никогда „не касался личностей“, не сквернословилъ и стоялъ „на строго законной почвѣ“.

Его терпѣть не могли: „пила“ — говорили солдаты, — у его солдаты изъ наказаніевъ не выходятъ, — цѣльный день пилить. Замучилъ совсѣмъ. То ли дѣло Петра Ивановичъ, — артистъ, одно слово“. Другіе, бывшіе людей, были явно непопулярны, когда били не талантливо, жестоко, и при этомъ не обнаруживали сердечности въ отношеніяхъ къ людямъ. — „Что же это за капитанъ, говорили объ одномъ такомъ, — въ Страстной Пятокъ прошенія попросить, въ Великую Субботу приобщится, въ Свѣтлое Воскресеніе похристосуется, а въ Свѣтлый Понедѣльникъ опять въ зубы дастъ.“ — Былъ и такой типъ, которой не билъ и не наказывалъ — добрый, но глупый человѣкъ, распустившій свою роту. Солдаты его не любили и просто на престо презирали.

Любили солдаты тѣхъ офицеровъ, которые горячо относились къ своему дѣлу и дѣлали его по совѣсти, не на показъ. Чего, чего не прощалось тѣмъ, которые погрѣшали именно изъ за этой горячности. — „Извѣстно, военное дѣло, говорили солдаты, покричатъ да въ морду дастъ, зато какъ онъ о солдатахъ заботится. Придешь на привалъ на маневрахъ — кому сухо спать, у кого сѣно или солома есть для солдата. Всегда у Петра Ивановича. Кто о больномъ позаботится? — всегда онъ, Петра Ивановичъ. А что онъ шумить, такъ пускай его шумить“. — Если полковская среда оставила во мнѣ на всю жизнь доброе воспоминаніе, это обусловливается именно присутствіемъ въ ней такихъ горячихъ людей. Все военное дѣло всегда держалось и держится этими немногими, которые дѣлаютъ его съ любовью.

Въ общемъ не легка была жизнь этихъ людей. Русскіе армейскіе офицеры моего времени — это были по преимуществу люди, обнесенные десертномъ въ жизни. Трудно себѣ представить жизнь во всѣхъ отношеніяхъ болѣе бѣдную, чѣмъ ихняя. Я зналъ въ ихъ числѣ людей многосемейныхъ, которые бывали принуждены довольствоваться изъ солдатскаго козла,

потому что на иной обѣдъ у нихъ не было средствъ. А о степени безсодержательности и бѣдности ихъ жизни въ духовномъ смыслѣ можегь составить себѣ понятіе лишь тотъ, кто наблюдалъ ее вблизи.

Отъ этой скудости офицеръ обыкновенно искалъ забвенія въ водкѣ. — Помню скатерть на небольшомъ столѣ. На ней нѣтъ ни одного живого мѣста безъ сальнаго пятна или краснаго слѣда наливки. На ней недопитыя рюмки водки со слѣдами сала отъ губъ. И всякаго вновь приходящаго неумолимо заставляютъ пить „одну — другую“ — до восьми рюмокъ. Показать брезгливость передъ сальной рюмкой — значитъ смертельно обидѣть. А вокругъ стола сидятъ офицеры — красные, съ усталыми, осовѣлыми глазами. Это — компанія людей, которые часовъ съ двѣнадцати дня ежедневно пьяны. — „Смотрите на барона“, указываютъ мнѣ на усагаго багрово-краснаго офицера. „Пріѣзжаетъ онъ разъ въ гостиницу, беретъ номеръ. У него требуютъ вида. А онъ вспылалъ — „пожалуйста безъ дерзости, я сегодня маковой роски не пилъ, и *видъ* у меня такой же, какъ у Вася“. — Овидеръ этотъ со всегда заплетаются языкомъ кончилъ тѣмъ, чтв ослѣплъ „отъ того, что ежедневно консомекалъ“, какъ говорили его товарищи. И какъ мало нужно такимъ „завсегдатаямъ“, чтобы опохмелиться. Дзѣ — три рюмки на вчерашній хмель, офицеръ уже готовъ. Ежедневное нервное возбужденіе необходимо для этихъ людей, какъ способъ забыть, что у нихъ въ жизни рѣшительно ничего нѣтъ. Есть между ними такіе, которые, думается мнѣ, не вынесли бы жизни, если бы очнулись отъ хмеля. А разговоръ за столомъ — изо дня въ день все тѣ же всѣмъ надоѣвшія пьяныя остротки и шутки, да профессиональныя сплетни про военное начальство, либо военные анекдоты, двадцать разъ слышанныя, про то, какъ поручикъ сръзалъ генерала. Генераль обратился къ нему на *ты*, а тотъ ему въ отвѣтъ: „скоро же мы съ тобою на *ты* сошлись.“ Или анекдотъ о томъ, какъ

деньщикъ нашель, что его офицеръ совсѣмъ похожъ „на лева“. — Да гдѣ-жь ты видѣль лева? — спрашиваетъ довольный офицеръ. „Да на иконѣ въ церкви, — Христось на емъ въ Іерусалимъ ѣдетъ“. — Острота изо дня въ день повторявшаяся заключалась въ томъ, что офицеры рассказывали этотъ анекдотъ одинъ объ другомъ и при этомъ жирно смѣялись.

Нѣкоторое разнообразіе вносилось въ полковую жизнь „торжественными случаями“ — пріѣздомъ начальства, полковымъ праздникомъ или просто полковымъ обѣдомъ, какіе устраивались иногда Маклаковымъ. Послѣдній не упускалъ случая сказать рѣчь, всегда исключительную по своему своеобразному военному стилю. — Помнится, полковой праздникъ совпалъ съ освѣщеніемъ полковой церкви, выстроенной для Кіевскаго полка усредомъ Калугой въ лагерѣ. Былъ потомъ обѣдъ съ корпуснымъ командиромъ, головою и министромъ народнаго просвѣщенія Деяевымъ. Маклаковъ „закапиль“ подобающую случаю рѣчь. — Онъ сравнилъ полковую церковь съ тою „походною церковью“, которая сопровождала евреевъ во всѣхъ ихъ странствіяхъ. „Христось“, сказалъ онъ, — „подаль намъ примѣръ военной дисциплины; онъ умеръ стъ того, что онъ повиновался, какъ и мы умирать должны стъ того, что мы должны повиноваться“. Анекдотическій Деяевъ, сидѣвшій рядомъ, умилался: „Мысли хорошія у полковника, мысли оченъ хорошія, но только можно было бы сказать покороче.“ Маклаковъ вообще любилъ смѣлыя сравненія изъ Священнаго Писанія: однажды, при открытіи городского водопровода, онъ такъ мотивировалъ свой тогтъ въ честь городского головы: „легче было Моисею извлечь жезломъ воду изъ скалы, чѣмъ нашему Ивану Кузьмичу извести деньги изъ карманозъ нашихъ купцовъ на устройство водопровода“.

Таковы были *верхи* полковой жизни. Что же касается низовъ, то есть солдатъ, то въ общемъ я сохранилъ о нихъ весьма симпатическое впечатлѣніе.

Въ особенности меня поражала ихъ безкорыстная услужливость. Бывало, мы отпраплялись всею ротою купаться на Оку. Помню, какъ всякій солдатъ предлагалъ мнѣ нести мой узелъ съ бѣльемъ. Корысти, — видовъ на получение „на чай“ тутъ несомнѣнно не было. Когда я въ первый разъ вышелъ на стрѣльбу, махальныя, узнавъ, что „ихъ баринъ“ стрѣляетъ, „намахали“ мнѣ двѣ пули, между тѣмъ, какъ у меня не было ни одного попаданія. Они были очень высокаго мнѣнія о моемъ общественномъ положеніи, и поэтому моя служба на равной ногѣ съ ними очень льстила ихъ самолюбію: „по штатскому въ родѣ какъ полковникъ, а на царской службѣ — рядовой“, такъ опредѣляли они меня.

Къ этому присоединилось и наивное удивленіе передъ моимъ образованіемъ и развитіемъ. — „Вотъ это. баринъ, — винтъ хвоста“ — говорили мнѣ дядька, показывая сборку и разборку ружья, и тотчасъ переспрашивалъ: „какой это винтъ?“ — Когда я повторялъ безъ осѣчки „винтъ хвоста“ или еще болѣе трудное выраженіе — „винтъ хвоста задержки“, — онъ приходилъ въ восторгъ. „Понялъ, сразу понялъ, восклицалъ онъ, иному некругу бьешься, объясняешь, а онъ въ два мѣсяца это не пойметъ“. Когда меня стали обучать ходьбѣ и бѣгу подъ барабанъ, я, разумѣется, сразу сталъ маршировать и бѣгать, не сбиваясь съ такта, какъ бы не замедляли и не ускоряли барабанный бой. — Это произвело впечатлѣніе чего-то гениальнаго: унтерофицеры со всей роты и съ другихъ ротъ удивленно глазѣли и восклицали: „Вотъ такъ такъ, — сразу понялъ, — иной солдатъ этого ни въ жисть не пойметъ“.

Офицерскій экзамень, который я въ концѣ концовъ съ грѣхомъ пополамъ выдержалъ, — былъ сплошнымъ анекдотомъ. Маклаковъ, который очень дорожилъ моимъ будущимъ офицерствомъ, отпустилъ меня для этого отъ осеннихъ маневровъ, и я могъ готовиться съ перваго августа до половины сентября.

Этого, разумѣется, было болѣе, чѣмъ недостаточно, чтобы приготовить шесть наукъ и десять уставовъ. Потомъ въ юнкерскомъ училищѣ на первомъ же экзаменѣ тактики я чуть не погибъ. Мнѣ дали задачу — построить въ боевое расположеніе полкъ пѣхоты, двѣ батареи артиллеріи, да нѣсколько эскадроновъ кавалеріи. Планъ долженъ былъ быть сдѣланъ въ масштабѣ. Между тѣмъ раньше того я не только не умѣлъ чертить, мнѣ не пришлось рѣшать ни одной задачи въ жизни.

Со смѣлостью отчаянія я началъ чертить: гдѣ кругъ поставлю, гдѣ квадратъ, гдѣ крестикъ. — Теоретически я умѣлъ рассказывать соотвѣтствующія главы изъ тактики. Поэтому я вдругъ рѣшился: „господинъ полковникъ, скажаль я, — задача готова“.

„Расскажите, какъ Вы ее рѣшали“, скажаль онъ мнѣ. — Это меня спасло: „теоретически“ я умѣлъ рассказать очень много. Начальникъ юнкерскаго училища, въ общемъ свирѣпый полковникъ съ невѣроятными усами, видимо началъ смягчаться. „Ну, покажите, однако же, Вашъ чертежъ“ — скажаль онъ мнѣ. Тутъ я долженъ былъ обнаружить мой чертежъ, который до тѣхъ поръ я тщательно закрываль руками.

Полковникъ вдругъ какъ фыркнетъ и какъ швырнетъ чертежъ въ сторону. — „Послѣ, послѣ объ этомъ будемъ говорить“. — И послѣ экзамена, также неважнаго, онъ сталъ разбирать мой чертежъ. — „Какъ Вы могли начертить то, что Вы начертили — *вопреки всему*, что Вы говорили. Вы говорите, что позиція должна стоять фронтомъ къ неприятелю, — она поставлена у Васъ какъ разъ флангомъ: Вы говорите, что артиллеріи нуженъ широкій обстрѣлъ; между тѣмъ она у Васъ жарить въ упоръ прямо въ лѣсъ. Что Вы сдѣлали съ Вашей кавалеріей, — Вы ее утопили въ ручьѣ. Ступайте домой“. Я спросилъ сконфуженно, какъ же экзаменъ. — „Когда Вы провалитесь, Вамъ скажутъ, а теперь — кругомъ маршъ“.

Хотя онъ на меня покрикивалъ и фыркалъ, юнкера, хорошо знавшіе своего начальника, были поражены его милостивымъ отношеніемъ и предрекали, что моя судьба рѣшена въ мою пользу: „теперь онъ будетъ Вася за уши вытягивать, — у Вася гвардейскій ростъ, а это онъ любитъ“. — Такъ и случилось. Изъ тактики я получилъ всего шесть балловъ, прочіе же экзамены были благополучаѣе. Я выдержалъ, былъ переименованъ въ подпрапорщики и вернулся въ полкъ — дожидаться увольненія въ запасъ съ производствомъ въ офицеры. Маклакову было грустно со мной расставаться, — съкъ уговаривалъ меня готовиться въ Военную Академію. — „Покажите Ваши силы, говорилъ онъ, — я, мой, и не такого профессора сломаю, — военнымъ профессоромъ буду“; — къ сгорченію его я остался непреклоненъ, но рѣшилъ его утѣшить. —

Защищая диссертацию *pro venia legendi* въ Демидовскомъ Юридическомъ Лицеѣ въ Ярославлѣ нѣсколькими мѣсяцами позже, я просилъ, чтобы въ провозглашеніи вердикта меня назвали: „кандидатомъ правъ и подпоручикомъ запаса“. Маклаковъ, узнавъ объ этомъ, растаялъ. Когда въ слѣдующее лѣто я уже въ качествѣ гостя обѣдалъ на ялковомъ празднествѣ, Маклаковъ, порядочно подвыпившій, поманилъ меня рукой и представилъ генералу: „Позвольте, Ваше Превосходительство, Вамъ представить подпоручика и профессора, который, когда его провозгласили . . . ну, какъ бышь это у нихъ дѣлается, — когда ему сказали — ну Вы-магистръ, а онъ отвѣтилъ: Нѣтъ съ, позвольте, я подпоручикъ Кіевскаго полка. — За его здоровье.“ — Генераль всталъ и торжественно молвилъ: „Съ особымъ удовольствіемъ подерживаю этотъ тостъ. Отрядно видѣть русскаго дворянина, который гордится прежде всего тѣмъ, что онъ — подпоручикъ Кіевскаго полка.“

(Продолженіе слѣдуетъ).

Кн. Евг. Н. Трубецкой.